

DOI 10.15393/j9.art.2016.3881

УДК 821.161.1.09“17”

Татьяна Васильевна Федосеева*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
(Рязань, Российская Федерация)*

t.fedoseeva@rsu.edu.ru

СЮЖЕТ О ГОРДОМ / ГРЕШНОМ ЦАРЕ В ТРАГЕДИЯХ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Аннотация. В статье исследуется художественное функционирование в трагедиях Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» (1807), «Евпраксия» (1808), «Темный» (1808) библейского сюжета о гордом / грешном царе. Он рассматривается в контексте исторических и ветхозаветных источников, а также в авторском биографическом контексте. Сюжет о гордом / грешном царе выстраивается из комплекса мотивов: неверия, нетвердой веры или инаковерия; гордости, преувеличенного самомнения; хвастовства силой, мудростью, богатством; абсолютизации собственной власти; жестокосердия, пренебрежения долгом правителя и нравственной ответственностью перед Богом; наказания через непослушание и смерть детей; раскаяния в собственных преступлениях; греховной смерти. Своеобразие сюжетного построения трагедий Державина и трактовки событий, восходящих к истории Древней Иудеи и русскому Средневековью, диктуется сложившимся у поэта на исходе лет пониманием государственной власти и Божественного закона. Философско-религиозная державинская концепция восходит к ветхозаветному утверждению греховности царской власти, удалившейся от Божественного Промысла.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, трагедия, легендарно-исторические источники, библейский сюжет о гордом / грешном царе, философско-религиозная концепция власти

Трагедии Г. Р. Державина относятся к позднему периоду его творчества. Когда в 1803 году он был уволен с должности министра юстиции и генерал-прокурора в Сенате, по собственному замечанию, «привыкши к беспрестанным трудам», написал «несколько лирических сочинений», а также «сочинял трагедии, как то: 1) Ирод и Мариамну, 2) Евпраксию, 3) Темного»¹. Говоря о привычке к беспрестанным трудам, Державин имел в виду, конечно, труды государственной и общенациональной значимости. Потеряв возможность через служение закону и законотворчество влиять

на судьбы России, с не меньшим самоотвержением он служил ей в литературном творчестве. Жанр трагедии поэт считал важнейшим по силе воздействия на эмоциональную сферу человеческой души, способность менять внутреннего человека. Замечая родственность трагедии и «важной» оперы, он писал, что их содержание включает в себя, кроме внешней изобразительности, выражение глубокого жизненного смысла и может быть заимствовано «изъ языческой мифологии, древней и средней истории» (7, 603)². Все три написанные в 1807–1808 годах трагедии Державина обращены к историческим событиям Древней Иудеи и русского Средневековья.

К творчеству Г. Р. Державина 1790–1810-х годов в современном отечественном литературоведении сложилось отношение как к значимому, итоговому, подводящему черту в жизненном пути и духовном самосознании поэта. Так, А. А. Смирнов находил в стихотворениях сборника Державина «Анакреонтические песни» (1804) высокий уровень художественного воплощения национально и биографически определенного жизненного идеала поэта [16, 48–54]. В. И. Глухов считал, что в 1790–1800-х годах в творчестве Державина созревает «новый эстетический идеал» и состоит он в художественно совершенном воплощении индивидуального мира «свободной личности», «поэтизации красоты, душевной и телесной» [4, 115–116]. С. А. Салова пишет о приятии Державиным платонической идеи безусловного служения свободного художника поэтическому дару [15, 107–108]. При этом мысль поэта о свободе творческого вдохновения связывалась с индивидуальностью художника — у каждого художника свой Гений.

Для Г. Р. Державина как человека и поэта смыслом бытия всегда было служение отечеству. Даже издание «Анакреонтических песен», содержательно погруженных в земное и далеких от духовного созерцания высоких идей, сопровождалось суждениями об отечестволюбивой их мотивации. В «Предисловии» к сборнику сообщалось, что предпринято издание «по любви къ отечественному слову» и показывает «его изобиліе, гибкость, легкость, и вообще способность

къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій», той же патриотической цели, по словамъ поэта, служитъ обращеніе къ славянской мифологіи (7, 512–513). Есть все основанія видѣть въ творчествѣ Державина позднего періода сосредоточенность на философіи жизни, на идеальномъ отношеніи человека къ Богу, родинѣ, обществу, власти, закону. Не случайно М. Г. Альтшуллер замѣтилъ, что въ этотъ періодъ поэтъ особое вниманіе уделяетъ древнееврейской поэзіи, воплотившей высокій образъ мысли и одухотворенность чувства [1, 16].

Большая драматургическая форма, болѣе чемъ любая другая, могла служить воплощенію жизненнаго идеала поэта. По наблюденіямъ А. О. Демина, въ драматургическихъ произведеніяхъ Г. Р. Державина къ логическому завершенію были приведены основныя темы его творчества, «абсолютной власти, ея праведности, ея границъ, способовъ ея реализаціи», «личности монарха» [5, 323]. Въ нашихъ работахъ ранее уже были сдѣланы выводы о томъ, что идеаломъ человека въ творчествѣ Державина 1790–1800-хъ годовъ была одухотворенная возвышенными чувствами личность, страстность которой облагорожена высшими жизненными целями (см., напр.: [19, 69]). А. И. Разживинымъ въ драматургическихъ сочиненіяхъ поэта выделены сквозныя нравственно-философскія идеалы: Добродетель, Правда, Любовь [13, 49–50]. Рядомъ исследователей констатируется тяготеніе позднего Державина къ постиженію глубинъ національнаго сознанія и формъ его поэтическаго воплощенія. Это тяготеніе, безусловно связанное съ предромантическимъ развитіемъ таланта поэта, по выраженію М. Г. Альтшуллера, вело его «къ романтической экзотикѣ» [2, 268–269]. Интересъ къ древности накладывался на вопросъ о соотношеніи Божественнаго и человѣческаго въ бытіи, о волѣ Провиденія и государственной власти. Въ поискахъ отвѣта на этотъ вопросъ онъ, какъ и многіе его современники, обращался къ истокамъ общеевропейской и національной культуры. Истоки современной духовной культуры обрѣтались, прежде всего, въ Книгѣ книгъ — Библии.

По наблюденіямъ Л. М. Лотманъ, проблема государственной власти особенно остро поставлена въ текстахъ Вѣтхого Завета. Соответственно сужденію исследовательницы, въ «Исходѣ», четырехъ книгахъ Царствъ и Паралипоменоне, исторію

творяют три силы: Бог, народ и вождь народа или царь. Царь и народ всегда высказывают непокорность, готовность противопоставить свою волю воле Господа, проявить свою греховность» [12, 145]. Очевидно, широко распространенный в произведениях словесной культуры, от древности до современности, сюжетно-мотивный комплекс «гордый / грешный царь» восходит к ветхозаветным текстам. Соответственно многолетним наблюдениям Е. К. Ромодановской, он сыграл заметную роль в русской литературе (см.: [11]; [14]).

Настоящая статья посвящена изучению трагедий Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» (1807), «Евпраксия» (1808), «Темный» (1808) в аспекте функционирования в них мотивного комплекса «гордый / грешный царь». Хотя драматургическим произведениям Державина в последнее время уделяется значительное исследовательское внимание (см.: [1]; [3]; [5]; [6]; [7]; [9]; [17]; [18] и др.), мотивно-сюжетному анализу в выбранном нами аспекте они ранее не подвергались. Исследование осуществляется в русле одного из активно разрабатываемых современной исторической поэтикой направлений отечественного литературоведения — сюжетологии.

Когда в Первой книге Царств возникает вопрос об избрании царя для управления древнееврейским народом, пророк Самуил предупреждает о неблагоприятных последствиях этого шага: царь присвоит себе право решать людские судьбы и неминуемо впадет в грех гордыни: «...и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам и слугам своим <...> и сами вы будете ему рабами; и восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда»³ (1 Цар. 8:14–18). Соответственно этому предупреждению, обыкновенный человек не может заменить пророка, решавшего судьбы людей Божественной волей. Потому желание народа избрать царя Самуил трактует, следуя словам Господа, как отступление. Таким образом, царская власть определялась в Первой книге Царств как изначально ложная, идущая от людей, а не от Бога. Бог же оказывает свою волю в деяниях

и речах пророков: «Вот Я влагаю слова Мои в уста твои, поручаю тебе с сего дня судьбу народов и царств. По твоему пророческому слову они будут падать и восставать» (Иер. 1:9–10).

В книгах Ветхого Завета были разведены понятия праведной и неправедной власти. Так, первый иудейский царь Саул, хоть и был помазан на царство Самуилом, изначально воплощал собой неправедную власть. Его помазание было совершено по требованию людей, а не по воле Бога. В дальнейшем, возгордившись и нарушив предписания Завета, он был оставлен Богом и в богооставленности обречен на страшные душевные муки, новые преступления, греховную, бесславную смерть самоубийцы. Избранный Богом и пришедший на смену Саулу кроткий царь Давид воплотил собой праведную власть. Он своим благочестивым правлением и многочисленными воинскими победами снискал всеобщую любовь. Но и Давид согрешал перед Богом. За отступление от Завета он был наказан смертью первенца от грешного брака с Вирсавией, временной утратой царства, когда им вероломно завладел старший сын Авессалом, непослушанием других сыновей. Бесславная смерть старшего сына была наказанием царю, она привела его к покаянию и скорби. Таким образом, гордые и согрешившие перед Богом цари наказывались в ветхозаветных преданиях утратой царства, непослушанием и гибелью детей. В жизнеописании древних правителей Иудеи, нетвердых в вере, хотя и наставляемых в ней пророками, ходившими за «Богом живым» сюжет о гордом / грешном царе сложился типологически и структурно.

Г. Р. Державин прекрасно знал тексты Священного Писания, а опыт чиновника, дошедшего в государственной службе до правительственных верхов, убеждал его в том, что власть далеко не всегда используется по назначению — во благо общества и других людей — напротив, чаще всего, служит удовлетворению честолюбивых побуждений и самолюбивых исканий человека. В конкретном биографическом контексте обращение к сюжету о гордом / грешном царе может быть связано с неприятием ситуации, сложившейся у российского трона в первые годы царствования Александра I. По воспоминаниям поэта, вся власть тогда сосредоточилась в руках вельмож

из ближайшего окружения императора. Они своей волей «ворочали государством», «оказывали себя по прихотям своим всех выше законов» — государственная власть обернулась самовластием⁴.

Вопрос о праведной и неправедной власти Г. Р. Державин поднимает в трагедии «*Ирод и Мариамна*», сюжет которой был почерпнут, по словам автора, из сочинений римского историка Иосифа Флавия⁵. Все множество больших и малых событий из жизни Ирода Великого было сконцентрировано в истории его второго брака, во многом благодаря которому он и стал царем Иудеи. Коллизия в пьесе порождена несправедливым гонением Мариамны (у Флавия — Мариамма. — Т. Ф.) семьей Ирода. В результате придворной интриги царица по ложному обвинению была осуждена иудейским судом на казнь. За этой казнью в трагедии следует убийство малолетних царевичей Александра и Антипатра, а затем и смерть впавшего в безумие царя.

Вслед за Флавием Державин подчеркивает различие социального происхождения Ирода и Мариамны. Первый получил власть вопреки своему низкому происхождению, являясь «совершенно частным лицом и притом идумеянином, т. е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям [страны] эта власть должна принадлежать лишь кровным иудеям» (Кн. 14. Гл. 15. П. 2). Подчинив своей власти всю Иудею, став царем при поддержке Рима и при помощи оружия, — пишет римский историк, — Ирод пользовался этой властью для установления собственного авторитета, для утверждения себя на троне. Он возвысил всех своих приверженцев, а противников «постоянно и непрерывно преследовал, и не проходило дня, чтобы он не подвергал их мучениям» (Кн. 15. Гл. 1. П. 1). Мариамна происходила из рода иудейских царей и первосвященников. Род Хасмонеев, к которому она принадлежала, правил в течение 126 лет, и прервано это правление было Иродом.

Флавий прославлял красоту царицы, находил в ней высочайший идеал «женской целомудренности и великодушия» и, одновременно, замечал, что она проявляла пренебрежение к низкому происхождению семьи Ирода. Недостаточно

почтительным было и ее отношение к мужу: «...пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имея повода предполагать с его стороны какой-нибудь неприятности, она позволяла себе с ним слишком много» (Кн. 15. Гл. 7. П. 6). Державин представил в образе Мариамны идеал, сочетающий величие души и цельность натуры и не имеющий той двойственности, которую придает ему Флавий. Мариамна на протяжении всего действия пьесы неизменна в своих чувствах и последовательна в поступках. Она воспитана как царица, мыслит и поступает соответственно, убеждена, что власть дается свыше и долг царя — служить интересам государства. Страстное чувство Ирода ею полностью разделяется: она почитает в нем царя, любит мужа и отца своих детей. Поэтому героиня решительно пресекает все обвинения в адрес супруга, пока его злодеяния могут быть оправданы интересами страны. Она готова забыть даже гибель самых близких своих родственников, мученическую смерть юного псалмопевца, к которому питала нежные чувства: людям не дано судить царя, он во власти Бога — «Царя царей»:

<...> не намъ судить дѣянїя царей.
Ихъ участь связана съ блаженствомъ ихъ людей.
Пускай ихъ судить Богъ; а мы, благоговѣя,
Пороки, страсти ихъ оплачемъ, сожалѣя (4, 231).

Ложно обвиненная в супружеской измене и попытке устранить царя с трона, царица полагается лишь на Божью волю:

Но промысль Вышняго помазанныхъ блюдетъ,
И царство Онъ кому восхощетъ, тѣмъ даетъ;
Я волю чту Его, законамъ покоряюсь,
И на мою одну невинность полагаюсь (4, 232).

Мариамна знает о том, как много зла приносит правление Ирода, но склонна объяснять его, если не государственной необходимостью, то происками своих недоброжелателей, Соломии и Антипатра, сестры Ирода и его сына от первого брака. А Ироду лишь в момент развязки трагического действия открывается вся правда: козни Соломии

и Антипатра направлены не только против царицы, но и против него самого. Мариамна с самого начала сознает, что движет врагами трона, — «властолюбие, корысть и святотатства» — и не замечает те же пороки в преступных деяниях царя (4, 266). А Ирод в стремлении удержать власть идет на самые низкие поступки: предательски расправляется с прямыми наследниками трона — дядей и братом Мариамны, ведет кровопролитные захватнические войны, всячески угнетает народ Иудеи. Соверн, родственник царицы и советник царя, дает резкую характеристику его несправедливого правления, указывает на гордость и нарушение долга, жестокость по отношению к народу: «Онъ разумомъ своимъ и мужествомъ кичится; / А наша кровь въ войнахъ не престаеъ струиться» (4, 234).

Ирод в трагедии Державина является узурпатором власти, он силой и преступлениями держится на троне, предстает не только в качестве гордого, самовластного, но и грешного царя. Соверн упрекает его в отступничестве от веры. Говорит, что тот поощряет идолопоклонство: приказал установить в Иерусалиме для всеобщего почитания статуи римских правителей Антония и Августа, что противоречило заповедям единого Бога. Флавий замечал, что евреев оскорбляли «трофеи, и они не мало печалились, видя в них запрещенные законом изображения вооруженных людей» (Кн. 15. Гл. 8. П. 1). Припоминаются также слухи о посягательстве Ирода на драгоценности Давидовой гробницы, установление «пифийского» жертвенника, заискивание перед язычниками:

И съ кровью содранныхъ съ отечества доходовъ
Рассыпаль тьмами тьмы на роскоши дѣла,
Чтобъ лишь въ язычникахъ неслась о немъ хвала:
Боговъ, чудовищъ ихъ, внесъ даже въ домъ свой
нынѣ (4, 234–235).

Противным духу Соверн считает введение в быт народа несвойственных ему обычаев и развлечений: строительство театра, бань, возобновление Олимпийских игр. Все эти меры служат лишь одному — самоутверждению и возвышению царя на троне. В словах вельможи дана оценка не только тем

событиям, которые ему известны как произошедшие на момент действия трагедии, но также и тем, которые хронологически произойдут позднее. В частности, он упоминает восстановление и украшение Иерусалимского храма, некогда основанного Соломоном, в котором, не без основания, видится честолюбивое стремление Ирода приблизиться к славе легендарного правителя. В разоблачительной речи Соверна слышен голос не смирившихся с противозаконной властью ее противников, о которых писал Флавий: «Впрочем, было еще несколько лиц, которые никак не желали примириться с противными народному духу нововведениями и видели в нарушении основных обычаев начало великих бедствий. Эти люди считали своею священной обязанностью скорее подвергнуться опасности, чем допускать такие нововведения в государстве и спокойно взирать на то, как Ирод насаждает противные народному духу начала, причем является царем лишь по имени, а на деле представляет из себя врага народа» (Кн. 15. Гл. 8. П. 3). Безусловно, к обличительным словам Соверна мог бы присоединить свой голос и сам автор, всегда, и в жизни, и в творчестве, порицавший богоотступничество, самовластие, тщеславие, уклонение от обязанности правителя заботиться о благополучии народа и служить ему. Всеми силами, используя любую возможность, Державин противостоял этим порокам.

Греховная жизнь Ирода завершается в трагедии страшным наказанием: по собственной слабости, подверженности страстям и внешнему влиянию он теряет горячо любимую Мариамну и сыновей. Став, фактически, убийцей царицы, он вдруг понял свою слабость: «Ахъ! въ лабиринтѣ я коварствѣ и козней темною / Подобенъ страннику въ распутии подземномъ, / Который предъ собой звѣрей зрить всюду зѣвъ» (4, 258). В финале трагического действия автором подчеркнута осознание Иродом своей греховности, что привело к мучениям совести и глубокому раскаянию. Это позднее раскаяние. Оно уже ничего не меняет в жизни и становится предвестием смерти Ирода, потерявшего от горя рассудок.

Наказан царь не только собственной греховной смертью, его наказание больше — оно в детях. Старший сын Ирода

Антипатр становится врагом отца, вступает в тайное соперничество за трон и решается на еще больший, чем непочтительное отношение к родителю, грех — братоубийство. Он хладнокровно убирает со своей дороги младших братьев. Такое развитие сюжета не просто усугубляет трагизм ситуации, но выводит ее на метафизический уровень сурово караемого родового греха. Таким образом, сюжет о гордом / грешном царе в державинской интерпретации включает в себя ветхозаветный мотив наказания непослушанием и гибелью детей.

В сцене раскаяния Ирод испытывает тяжесть ответственности не только за собственные преступления, но и преступления прежних времен. Муки совести погружают его в состояние небытия, надысторическое духовное пространство. Все то, что ранее составляло гордость Ирода, теперь становится поводом к раскаянию. В болезненных видениях он обретает Мариамну в райских садах «межь Ангеловъ». Себя же видит в преисподней и в горячечном бреду восклицает: «Младенцевъ тысящи плывуть ко мнѣ въ крови; / На блюдѣ голова въ неистойвой любви / *Творить упрёки мнѣ* и лъетъ потоки кровны» (курсив мой. — Т. Ф.) (4, 290). Смерть царя сопровождается репликой римского проконсула Варра: «Се блескъ великихъ дѣлъ! / Какъ трудно царствовать!» (4, 291). Развязка трагедии, таким образом, возвращает нас к ветхозаветной трактовке греховной власти вне Бога. В финале подчеркнут религиозный аспект вины Ирода. Гордый царь терпит моральное поражение от царицы, его жизнь заканчивается бесславной смертью. Заметим, что религиозный аспект вины трагедийного героя выделяется современными исследователями и в произведениях других русских авторов, в частности в трагедии Н. П. Николева «Сорена и Замир» (1784). Каримиан Фаэзех подчеркивает, что завершается это произведение сценой, «являющей религиозное раскаяние тирана», в котором следует видеть акт высшего, справедливого суда над «неправедными» властителями [8, 185].

В созданной в 1808 году трагедии «*Евпраксия*» Г. Р. Державин видел, как и в других произведениях этого периода, выражение собственной свободной воли к патриотическому служению. Судьбы рязанских князя Феодора и княгини

Евпраксии он считал достойным подражания потомков примером истовой любви к отечеству. В «Предуведомлении» к трагедии в связи с этим поэт заметил: «...еслибы предки наши отступились отъ вѣры, охладѣли въ любви къ отечеству и въ вѣрности къ государямъ, тогда уже Россія давно бы не была Россією» (4, 298). Знаменательно, что высокий пафос был отмечен одним из первых читателей трагедии, писавшим, что «патріотизмъ разлитъ по всей трагедіи разительнѣйшими чертами» (6, 198). Это замечание принадлежит Евгению Болховитинову, соседу поэта по Званке, служившему в то время епископом Старорусским и викарием Новгородской епархии, бывшему еще и строгим критиком поэта.

В «Предуведомлении» к трагедии Державин кратко излагает предысторию и тягостные последствия нашествия Батыя на Русь. Исторический сюжет, положенный в основание трагедийного действия, он воссоздает, как предположил Я. К. Грот, по фрагменту из «Сказанія о нашествіи Батыя на русскую землю», опубликованного в 1790-м году в первой части «Русскаго Времяяника» (4, 301–302). О другом историческом (неизданном отрывке из сочинения И. П. Елагина «Опыт повествования о России») и литературных источниках трагедии «Евпраксия» писал А. О. Демин [6]. Сам же автор замечал, что судьба князя и княгини способна вызвать «въ чувствительныхъ сердцахъ ужась и сожалѣніе», а отступления от истинных происшествий он объяснял необходимостью соответствовать правилам жанра (4, 298).

Сюжет о гордом / грешном царе связан в тексте трагедии «Евпраксия» с линией хана Батыя, представленного в списке действующих лиц как «царь татарскій». Хан убежден в абсолютной своей правоте и полной власти над людьми. В беседе с ближайшим помощником и наперсником Бурундаем он высказывает свое жизненное credo: в стремлении к мировому господству следовать путем Чингисхана. Слава легендарного «праотца» состояла, по словам Батыя, в том, что он святотатством, силой, хитростью и обманом всегда добивался желаемого: «Обѣтовъ разсыпаль и лести громки звуки / И съ клятвой *воздѣвалъ на небо хищны руки,* / Тронъ предлагаль

тому, съ собою ложе сей, / Чтобъ пало все предъ нимъ, чтобъ былъ он *царь царей*» (курсив мой. — Т. Ф.) (4, 317). Речи Батые, таким образом, обличают в нем кощунственное желание сравняться с Богом, он, следуя примеру Чингисхана, мнит себя «Царем царей».

Сюжетная линия Батые развивается из мотивного комплекса «гордого / грешного царя»: самовластия, неверия, преступной страсти, ложного свидетельствования, обмана. Хан, воспламененный рассказами о красоте русской княгини, тайно под видом посла прибывает в Рязань. Он пытается соблазнить Евпраксию, осыпая ее восторженными, повосточному украшенными и многословными похвалами. Не добившись желаемого, клеветает на Феодора, предоставляя ложное свидетельство его супружеской неверности. Усугубляя свои кощунства, он при этом клянется пророком (4, 353). Когда в Рязань привозят тело погибшего князя, Батый притворно обещает отказаться от своей веры и предлагает овдовевшей княгине стать ханшей и его единственной женой. Но она не мыслит для себя возможности предать отечество и веру: «Какъ въ тысячѣ рабынь и христианкѣ быть / Невѣрнаго женой?» (4, 334). Ее отношение к войне с татарами как праведной, за веру, заставляет Юрия, а вместе с ним и других русских князей, вспомнить о христианском долге:

Во промыслѣ Его къ спасенью царствѣ дорога.
Въ судьбахъ Его лежитъ народовъ жизнь и смерть;
Съ надеждой на Него пріятно умереть,
Сладка смерть за Христа, къ отечеству съ любовью
(4, 330).

В трагедии «Евпраксия» развивается сюжетный комплекс «царя-язычника»⁷. Батый не только не признает единого Бога, но себя мнит равным Богу, кощунствует и в своей вере, совершая клятвопреступление. Подобно Ироду, он в один час погибает, и такая смерть предстает как наказание за грехи. Как и Ирод, хан терпит в трагедии Державина моральное поражение от женщины, а кроме того, и от московского воинства, малочисленного, в сравнении с татарским.

Трагедия «Темный» написана, по словам автора, на основе летописного сюжета, который он и пересказывает в предисловии, поясняя мотивы, побудившие к дополнению исторических фактов вымышленными. Князь Василий II Темный изображен в пьесе Державина законным российским монархом, получившим московский престол по наследству. В обращении к читателю автор подчеркнул, что, следуя правилам трагедийного жанра, намеренно «приписал кроткую христианскую твердость, безъ чего бы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ слабый государь, не стоящій никакого сожалѣнія» (4, 385). В качестве узурпатора власти выведен двоюродный брат Василия Дмитрий Шемяка, исторически лицо неоднозначное, а у Державина — человек озлобленный и «мелкий». Темный вместе с женой Марией и сыновьями Иоанном и Александром бежал из заключения и вынужден скрываться от Шемяки в лесах близ Углича. Убежденные в своем праве наследной княжеской семьи, все они, включая детей, уповают в своей тяжелой доле на Бога, стойко переносят лишения. В связи с образом и судьбой Василия II в событийной канве пьесы выделяется сюжет о гонимом, пребывающем в неизвестности царе, выделенный Е. К. Ромодановской из анализа древнерусских повестей и фольклора (см.: К вопросу об источниках «Сказания о гордом Аггее» В. М. Гаршина [11, 388–391]). История Шемяки, подобно истории Ирода, развивается в трагедии Державина из мотива несправедливой власти и связанного с ним мотива несправедливого гонения.

В отличие от спокойного, убежденного в своей правоте Василия, его гонитель Шемяка пребывает в смятенном, тревожном состоянии духа. Он чувствует противоестественность своего преследования семьи брата, осознает последствия собственной жестокости, ищет ей оправдания — пытается убедить поддерживающих его бояр, что будет лучшим, чем брат, правителем, более мудрым и деятельным. Наедине с собой, однако, признается в главном побуждающем к борьбе за трон мотиве — властолюбию — и понимает губительность этой страсти: «Средины ужъ тѣмъ нѣтъ, которымъ власть любезна; / Предметъ ихъ — высота иль преисподня

бездна» (4, 404). Непостоянство и озлобленность Шемяки тревожит его соратников. Один из них, по прозвищу Ладья, замечает, что, добившись власти, князь стал «Премѣненъ, будто вѣтръ; а злобенъ, будто звѣрь». Другой, Репол, вставший на сторону Темного, утверждает, что трон был единственной целью Шемяки: «Тиранъ, къ желаніямъ достигнувшій своимъ, / Бываетъ холоденъ какъ къ добрымъ, такъ и къ злымъ» (4, 422). Так обнаруживаются эгоистические стремления Шемяки, незаконный характер, несправедливость его власти.

Для Темного, в отличие от Шемяки, княжеский трон освящен высшей волей, «онъ наслѣдственный», «дарованъ Богомъ» (4, 436). И потому перед угрозой смерти он вместе с женой и детьми решительно отказывается от предложения отречься от престола. Насильственно отлученный от престола князь увещивает брата, напоминая о том, что власть — это тяжелое бремя и нести его можно лишь с сознанием своей правоты: «Хищенье всякое не есть добро, но зло, / И царствъ могущество нигдѣ зломъ не росло» (4, 435). Несмотря на все увещевания, Шемяка отстаивает свое право сильного до последней возможности. Он пытается склонить Марию, некогда его любившую, к новому браку. И в этом терпит поражение. Самоотверженность, великодушие Темного и его семьи, готовых погибнуть, следуя Божественной воле, ради долга и отечества, служат причиной раскаяния и самоубийства Шемяки. Осознание греховности свершенного и позднее раскаяние приводят гордого царя в лице Шемяки к такому же бесславному концу, как и в двух других трагедиях Державина. Гордость и пренебрежение Божественной волей сурово наказываются.

В современной сюжетологии выделено четыре основные модификации сюжета о гордом / грешном царе: о царе-язычнике; о царе, приравнявшем себя Богу; о подменном царе; о кощунствующем царе, не верящем слову Священного Писания⁸. Отдельно определяется царь-грешник, наказываемый за неправедность / забвение нравственных норм, царского долга⁹. Все основные модификации сюжета находят применение в трагедиях Г. Р. Державина. При этом каждый

раз библейский сюжет развивается в конкретизированном автором историческом хронотопе. Особое внимание в воссозданном в трагедиях действии уделяется достоверности характеров персонажей, их отношению к другим людям и миру в целом. Каждый из трех царей — Ирод, Шемяка, Батый — действует соответственно своей национальной и профессиональной принадлежности: Ирод — со свойственной восточному человеку горячностью и стремлением к роскоши быта; Шемяка — с характерным для исторического прототипа непостоянством, столкновением между воспитанной православной культурой совестливостью и преувеличенным самолюбием; Батый — не сдерживаемыми ни верой, ни традиционными нравственными границами самовластными стремлениями. Судя по всему, наиболее значимой для автора была духовная предопределенность типа отношения человека к миру.

Характер внутреннего человека находился в центре внимания большинства русских писателей начала XIX века. Соответственно суждениям Н. А. Котляревского, для художника в этот исторический период особенно важен он сам, со своими «мыслями, убеждениями, вкусами, настроениями, полетом фантазии», и говорит он «преимущественно о том, как вся окружающая его жизнь отражается в нем — в поэте» [10]. Направленность драматургического творчества Державина вполне отвечала духовно-эстетическим исканиям начала нового века, с одной стороны, а с другой — он, как и прежде, сохранял самостоятельность и право свободно мыслить и говорить на самые трудные темы.

Вследствие вышесказанного, в трагическое действие произведений Г. Р. Державина вводится герой-резонер, не только активно участвующий в событиях, но и дающий оценку происходящему и, в первую очередь, — поступкам правителя. В «Ироде и Мариамне» — это Соверн, в «Евпраксии» — Бурундай, в «Темном» — пустынный Багрим. Каждый из них определяет сложившуюся ситуацию, соответственно жизненным идеалам автора. В их развернутых монологах разоблачаются деяния гордого / грешного царя, его богоотступничество, жестокосердие, неисполнение долга правителя по

отношению к народу. Из уст резонера звучит обличительное слово о несоблюдении законов, своеволии и самовласти, пренебрежении интересами отечества ради собственной славы. И это не случайно. Очевидно, в творчестве Державина, как и других его современников, книги Священного Писания начинают служить «источником собственного творчества» [14, 66]. Восходящий к текстам Ветхого Завета сюжет о гордом царе активно разрабатывается в 1800-х годах Державиным и служит выражению его концепции государственной власти.

Многолетние размышления поэта о законной и незаконной власти завершились утверждением праведности царя, следующего Божественной воле. Сюжеты трагедийных произведений Державина органично входят в контекст ветхозаветного предания, где отступавшие от слова Господа цари Израиля, как заметила Л. М. Лотман, были «обречены грешить», поскольку их человеческая власть соображалась «с интересами этой власти и собственными страстями», в чем — несомненное «зло перед Господом» [12, 145]. Это зло сознавал Державин и не мог с ним мириться, принимая провозглашенную пророком Самуилом истину: «... послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов» (1 Цар. 15:22). Пренебрежение наделенного властью человека Божьей волей и словом приводит ко греху.

Осуществленный нами анализ трагедий Державина делает очевидной их интерпретацию в библейском контексте. Сюжетно-мотивный комплекс «гордый / грешный царь» послужил выражению оформившейся в зрелом творчестве поэта философско-религиозной концепции власти. Новое, соответствующее времени и отвечающее творческой индивидуальности автора, прочтение сакральных текстов служило осознанию высшего, духовного смысла и содержания человеческого бытия.

Примечания

- ¹ Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себя жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Избранная проза / сост., вступ. статья и примеч. П. Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1984. С. 244. Имеются

- в виду завершённые оперы Державина «Ирод и Мариамна» (1807), «Евпраксия» (1808), «Василий Темный» (1808).
- ² Сочинения Державина: в 9 т. / с объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1872. Т. 7. С. 603 [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/derzhavin/index.html> (04.09.2016). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
 - ³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в рус. пер. с парал. местами и прилож. М.: Российское Библейское общество, 2011. 1231 с. Отсылки к этому изданию делаются в установленном порядке.
 - ⁴ Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев. С. 210–211.
 - ⁵ В 1780–1790-х годах сочинение Флавия «Иудейские древности», в котором описана история тридцатичетырёхлетнего правления царя Ирода Великого, несколько раз издавалось на русском языке: Иосифа Флавия Древности Иудейския. Съ Латинскаго на Россійскій языкъ предложенныя Придворнымъ священникомъ Михаиломъ Самуйловымъ. Ч. 1–3. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1779–1783. То же. 1795.
 - ⁶ Флавий Иосиф. Иудейские древности: в 2 т. / пер. Г. Г. Генкеля. СПб.: Типо-лит. А. Е. Ландау, 1900 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/14_15. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием книги, главы, пункта в круглых скобках.
 - ⁷ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / редакц. коллегия: Е. К. Ромодановская (отв. ред.), М. А. Бологова, Е. К. Никанорова и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 108.
 - ⁸ Там же. С. 108–109.
 - ⁹ Там же. С. 118.

Список литературы

1. Альтшуллер М. Г. «Ирод и Мариамна» Гавриила Державина (К вопросу о формировании русской преромантической драмы) // Гавриила Державин (1743–1816): сб. статей и материалов / под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. — Норвич, Вермонт, 1995. — С. 224–233.
2. Альтшуллер М. Г. Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Державина // XVIII век. Сборник 21 / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. — СПб.: Наука, 1999. — С. 268–281.
3. Бочкарев В. А. О некоторых особенностях трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» // Г. Державин. История и современность: ст. и матер. конф. / отв. ред. Я. Г. Сафиуллин. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. — С. 7–16.
4. Глухов В. И. Поэтические прозрения позднего Державина (1993) // Г. Р. Державин и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — С. 94–118.

5. Демин А. О. Начальный вариант трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» — «Ирод Великий» // XVIII век. Сборник 24 / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. — СПб.: Наука, 2006. — С. 317–397.
6. Демин А. О. Об историческом источнике трагедии Г. Р. Державина «Евпраксия» // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур / отв. ред. С. М. Шаврыгин. — Ульяновск: УлГПУ, 2001. — С. 155–161.
7. Демин А. О. Оперное либретто Г. Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. Сборник 22 / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. — СПб.: Наука, 2002. — С. 358–408.
8. Каримиан Фаэзех. Религиозная составляющая конфликта трагедии Н. П. Николаева // Религиоведение. — 2013. — Т. 2. — С. 177–186.
9. Кокшенева К. А. Драматические сочинения Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — С. 129–161.
10. Котляревский Н. А. Когда родилась наша изящная словесность? // Литературные направления Александровской эпохи. 3-е изд. — М.: Вузовская книга, 2009. — 326 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://dugward.ru/library/zolot/kotlarevskiy_alex.html (03.05.2016).
11. Круги времен: в память Елены Константиновны Ромодановской: сборник: в 2 т. / отв. ред. В. А. Ромодановская. — М.: Индрик, 2015. — Т. 1: Избранное. — 870 с.
12. Лотман Л. М. Судьбы царей и царств в Библии и трагизм истории в «Борисе Годунове» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина: памяти Е. Г. Эткинды / под ред. Д. Сегала и С. Шварцбанда. — Иерусалим, 2000. — С. 101–108.
13. Разживин А. И. Драматургия Г. Р. Державина: теория и системозначимые свойства // Г. Р. Державин и диалектика культур. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. — С. 44–50.
14. Ромодановская Е. К. От цитаты к сюжету. Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. — С. 66–75 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2374> (04.09.2016).
15. Салова С. А. Анакреонтические мифы Г. Р. Державина. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — 126 с.
16. Смирнов А. А. Г. Р. Державин и А. С. Пушкин: два этапа русской анакреонтики // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции / сост. и отв. ред. Ю. Э. Михеев. — Тамбов: ТГПИ, 1993. — С. 48–54.
17. Федосеева Т. В. Авторский миробраз в трагедиях Г. Р. Державина // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / под ред. Т. В. Федосеевой. — Рязань: РГУ, 2012. — С. 315–330.

18. Федосеева Т. В. Развитие драматургии конца XVIII — начала XIX в. (Русский предромантизм). — Рязань: РГУ, 2006. — 200 с.
19. Федосеева Т. В., Шанаева О. Н. Духовные воззрения Г. Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 гг.) // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. — 2010. — № 4/29. — С. 59–72.

Tatiana V. Fedoseeva

*Ryazan State University named for S. Yesenin
(Ryazan, Russian Federation)*

t.fedoseeva@rsu.edu.ru

THE PLOT ABOUT A PROUD / SINFUL TSAR IN THE TRAGEDIES OF G. R. DERZHAVIN

Abstract. The article studies artistic functioning of the Biblical plot of a proud / sinful tsar in the tragedies “Herod and Mariamne” (1807), “Eupraxia” (1808), “The dark one” (1808) by G. R. Derzhavin. The plot is considered in the context of historical and Old Testament sources as well as in the author’s biographical context. The plot about a proud / sinful tsar consists of a complex of motives: infidelity, lack of faith or another faith; pride, excessive self-esteem; boasting of strength, wisdom, wealth; absolute priority given to one’s power; hardness of heart, neglect of the duty of a ruler and of moral liability to God; punishment by virtue of disobedience and death of children; penitence of one’s crimes; sinful death. The peculiarity of the plot structure in the Derzhavin’s tragedies and of the interpretation of the events dating back to the History of Ancient Judea and Russian Middle Ages, are defined by the poet’s understanding of state authority and God’s law, which was formed in his late years. Derzhavin’s philosophic and religious concept applies to the Old Testament statement concerning the sinfulness of the crown deviating from Divine Providence.

Keywords: G. R. Derzhavin, tragedy, legendary and historical sources, Biblical plot of a proud / sinful tsar, philosophic and religious concept of authority

References

1. Al’tshuller M. G. «Irod i Mariamna» Gavriila Derzhavina (K voprosu o formirovanii russkoy preromanticheskoy dramy) [“Herod and Mariamne” by Gavriil Derzhavin (On Formation of Russian Pre-Romantic Drama)]. *Gavrila Derzhavin (1743–1816): sbornik statey i materialov. [Gavrila Derzhavin (1743–1816): Collection of Articles and Materials]*. Norwich, Vermont, 1995, pp. 224–233.
2. Al’tshuller M. G. Oratoriya «Tselenie Saula» v sisteme pozdney liriki Derzhavina [The Oratorio “Tselenie Saula” in the System of Derzhavin’s Late

- Lyrics]. *XVIII vek. Sbornik 21* [The 18th Century. Digest 21]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 268–281.
3. Bochkarev V. A. O nekotorykh osobennostyakh tragedii G. R. Derzhavina «Irod i Mariamna» [On Some Peculiarities of the Tragedy “Herod and Mariamne” by G. R. Derzhavin]. *G. Derzhavin. Istoriya i sovremennost'* [G. Derzhavin. History and Modern Age]. Kazan', Kazan University Publ., 1993 (1994), pp. 7–16.
 4. Glukhov V. I. Poeticheskie prozreniya pozdnego Derzhavina (1993) [Poetic Epiphany in Derzhavin's Late Writings (1993)]. *G. R. Derzhavin i russkaya literatura* [G. R. Derzhavin and Russian Literature]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 94–118.
 5. Demin A. O. Nachal'nyy variant tragedii G. R. Derzhavina «Irod i Mariamna» — «Irod Velikiy» [An Initial Version of the Tragedy “Herod and Mariamne” by G. R. Derzhavin — “Herod I the Great”]. *XVIII vek. Sbornik 24* [The 18th Century. Digest 24]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 317–397.
 6. Demin A. O. Ob istoricheskom istochnike tragedii G. R. Derzhavina «Evpraksiya» [On the Historical Source of the Tragedy “Eupraxia” by G. R. Derzhavin]. *Karamzinskiy sbornik. Rossiya i Evropa: Dialog kul'tur* [Karamzin Digest. Russia and Europe: the Dialogue of Cultures]. Ul'yanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2001, pp. 155–161.
 7. Demin A. O. Opernoe libretto G. R. Derzhavina «Esfir» [Opera Libretto “Esther” by G. R. Derzhavin]. *XVIII vek. Sbornik 22* [The 18th Century. Digest 22]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 358–408.
 8. Karimian Faezeh. Religioznaya sostavlyayushchaya konflikta tragedii N. P. Nikoleva [A Religious Component of the Conflict in the Tragedy of N. P. Nikolev]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 2013, vol. 2, pp. 177–186.
 9. Koksheneva K. A. Dramaticheskie sochineniya G. R. Derzhavina [The Dramatic Works of G. R. Derzhavin]. *G. R. Derzhavin i russkaya literatura* [G. R. Derzhavin and Russian Literature]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 129–161.
 10. Kotlyarevskiy N. A. Kogda rodilas' nasha izyashchnaya slovesnost'? [When Was Our Polite Literature Born?]. *Literaturnye napravleniya Aleksandrovskoy epokhi* [Literary Movements of the Epoch of Alexander]. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 2009. 326 p. Available at: http://dugward.ru/library/zolot/kotlarevskiy_alex.html (accessed 03 May 2016).
 11. *Krugi vremen: v pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy: sbornik: v 2 tomakh* [Circles of Time: in Memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya: Digest: in 2 Vols]. Moscow, Indrik Publ., 2015, vol. 1. 870 p.
 12. Lotman L. M. Sud'by tsarey i tsarstv v Biblii i tragizm istorii v «Borise Godunove» [The Fates of Kings and Kingdoms in the Bible and a Tragic Character of History in “Boris Godunov”]. *Koran i Bibliya v tvorchestve*

- A. S. Pushkina: pamyati E. G. Etkinda [The Quran and the Bible in the Works of Pushkin: To Memory of E. G. Etkind]. Jerusalem, 2000, pp. 101–108.
13. Razzhivin A. I. Dramaturgiya G. R. Derzhavina: teoriya i sistemoznachimye svoystva [Derzhavin's Dramaturgy: Theory and System Significant Nature]. G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur [G. R. Derzhavin and the Cultural Dialectics]. Kazan', Kazan University Publ., 2012, pp. 44–50.
 14. Romodanovskaya E. K. Ot tsitaty k syuzhetu. Rol' povesti-pritchi v stanovlenii novoy russkoy literatury [From a Quote to the Topic. The Role of the Parable in the Formation of a New Russian Literature]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994. Vol. 3: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscences, Motif, Plot, Genre]. Issue 1, pp. 66–75. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2374> (accessed 04 September 2016).
 15. Salova S. A. *Anakreonticheskie mify G. R. Derzhavina* [The Anacreontic Myths of G. R. Derzhavin]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005. 126 p.
 16. Smirnov A. A. G. R. Derzhavin i A. S. Pushkin: dva etapa russkoy anakreontiki [G. R. Derzhavin and A. S. Pushkin: Two Stages of Russian Anacreontic]. *Tvorchestvo G. R. Derzhavina. Spetsifika. Traditsii* [Creativeness of G. R. Derzhavin. Specificity. Traditions]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1993, pp. 48–54.
 17. Fedoseeva T. V. Avtorskiy miroobraz v tragediyakh G. R. Derzhavina [The Author's World Image in the Tragedies of G. R. Derzhavin]. *Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, estetika, poetika* [Russian Pre-Romanticism Literature: World View, Aesthetics, Poetics]. Ryazan', Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2012, pp. 315–330.
 18. Fedoseeva T. V. *Razvitie dramaturgii kontsa XVIII — nachala XIX v. (Russkiy predromantizm)* [The Development of Dramaturgy in the Late 18th and early 19th Centuries. (Russian Pre-Romanticism)]. Ryazan', Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2006. 200 p.
 19. Fedoseeva T. V., Shanaeva O. N. *Dukhovnye vozzreniya G. R. Derzhavina pozdnego perioda tvorchestva (1790–1810 gody)* [Spiritual Beliefs of G. R. Derzhavin During His Late Period of Creative Work (1790–1810s)]. *Vestnik Ryazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University Named for S. A. Yesenin], 2010, no. 4/29, pp. 59–72.

Дата поступления в редакцию: 06.09.2016